

После уроков ребята то и дело собирали дикие травы и коренья. Всё, что оказывалось лишним, они прятали в своё тайное сокровище — там припасы почти не портились. Ну, или увядали так медленно, что это было практически незаметно. Эту особенность подметил Ван Сюань, которому то и дело приходилось доставать оттуда целебное сырьё.

Любые вещи, принесённые снаружи, словно застывали во времени. Изменения были столь незначительны, что ими можно было пренебречь. А вот растения, изначально росшие внутри пространственного кармана, развивались как обычно. В этом и крылась главная странность.

— Вот почему там нельзя выращивать обычные овощи, — рассуждал Ван Сюань. — Раз время застывает, то и семена не прорастут, корней не пустят. Просто сгниют, и всё.

Ван Сюань рос на редкость бережливым и хозяйственным. С тех пор как у них появилось это сокровище, избавившее от необходимости таскать тяжести на собственной спине, да ещё и сохраняющее всё свежим, мальчик уподобился запасливой белке. Он усердно тащил в пространственный карман любую мелочь. Наткнётся случайно на съедобный стебелёк — и, даже если дома он сейчас не нужен, бережно припрячет.

Теперь в его тайнике скопилось немало полезного. Ван Сюань пользовался сокровищем куда разумнее Гоуданя. Тот, помимо учёбы, только и думал о том, как бы превратить содержимое кармана в звонкую монету или дефицитные талоны. Гоудань искренне считал, что их семья беднее всех в деревне. Особенно теперь, когда он твёрдо решил когда-нибудь выбраться во внешний мир. Ему до смерти хотелось скопить денег, но до сих пор у него не было ни единого фэня дохода. Как тут накопишь?

Хлоп!

Гоудань звонко шлёпнул Ван Сюаня по плечу, прихлопнув жирного комара.

— Слушай, А-Сюань, ты бы посмотрел дома в своих книгах, можно ли состряпать какое-нибудь средство от комаров? Глянь, нас же заживо сжирают, все руки уже в волдырях.

В лесу стояла душная, липкая жара. Ван Сюань утёр лоб рукавом.

— Ладно, вернусь — обязательно поищу.

Кожа у Ван Сюаня была светлая, нежная, и проступивший пот блестел на лбу крупными каплями. Почему-то гнус и комары липли к нему гораздо охотнее, чем к Гоуданю.

За последний год жизнь их более-менее наладилась. Исчезла та болезненная худоба и желтизна, с которыми Ван Сюань ходил в доме своего дяди Чэнь А-да. Мальчик округлился, окреп, и в его чертах проступила благородная красота покойного отца. Пожалуй, он обещал вырасти даже красивее его, унаследовав всё лучшее и от матери. Ван Сюань совсем не походил

на Гоуданя — тот рос неказистым, угловатым и чернявым.

Ван Сюань вытянулся, посветлел лицом, на щеках появился здоровый румянец. Теперь редкий односельчанин при встрече не качал головой с одобрением: «Надо же, какой славный малый растёт!»

Гоудань бредил далёким шумным миром, полным чудес, а вот Ван Сюань по природе своей любил покой. Ему вполне хватало возможности каждый день крутиться хвостиком за старшим братом, помогая ему во всех делах. Гоудань то и дело вздыхал из-за безденежья, но Ван Сюань не считал их жизнь трудной. По сравнению с теми мытарствами, что он натерпелся в семье дяди, жизнь под крышей Лао Сы казалась ему сущим раем.

Он был абсолютно счастлив.

— Гоудань-гэ, открой рот.

Тот послушно разжал губы, и Ван Сюань вложил ему туда спелую лесную ягоду.

— Ну как? Вкусно? — спросил мальчик, довольно сощутив глаза.

— С кислинкой, сладкая. Очень вкусно, — кивнул Гоудань. — Где ты её нашёл?

— Да вон там, в зарослях. Только колючек много, обдерёшься весь, пока снимешь.

Гоудань тут же извлёк из сокровища широкий тесак. После памятной заготовки бамбуковых побегов этот нож окончательно прижился у них в роли мачете. Мальчик принялся споро рубить ветки, прокладывая дорогу сквозь колючий кустарник. Ван Сюань тоже не терялся: достал из пространственного кармана то медную чашу, то старинный серебряный кубок, приспособив их под сбор ягод. Стоило посуде наполниться до краёв, как он тут же отправлял её обратно в тайник.

В головах у мальчишек не было и тени благоговения перед бесценным антиквариатом — пользовались тем, что под руку подвернётся. Всё равно ведь никто не видит. Когда посуда закончилась, они стали наворачивать спелые плоды прямо в сочные лопухи, сворачивая их кулями.

Напекшись под палящим соком солнца, они наконец выбрались из леса. На подходе к деревне им повстречалась ватага местной детворы. К этому времени мало кто из ребят обращал внимание на бабьи пересуды — запреты родителей сошли на нет. Гоудань и Ван Сюань пользовались у сверстников завидным авторитетом, и каждый за счастье считал поиграть с ними. Если случалась потасовка с ребятами из соседней деревни, Гоудань один стоил троих. Впрочем, теперь и с соседями они ладили: всё-таки учились в одном классе, так что постепенно рознь забылась и сменилась дружбой.

Мальчишки с весёлым гиканьем окружили их.

— Эй, вы где пропадали? Мы вас обыскались! Там на площади такие истории рассказывали, заслушаешься!

— Да ну? — Гоудань приподнял корзинку, демонстрируя улов. — А мы вот дикий лук да травы собирали.

— Чего ж нас не позвали? — отозвался один из приятелей. — В следующий раз кликните, моя мелкая сестра каждый день за этими сорняками бегает, я бы с вами пошёл. Кстати, Гоудань, а почему ты больше на государственную ферму не ходишь? Те двое городских тебя вчера спрашивали.

— Надоело, вот и не хожу, — буркнул Гоудань, вздёрнув нос.

Ван Сюань легонько потянул друга за рукав и примирительно добавил:

— Дядя Сы запретил нам далеко убегать. Скоро жатва начнётся, велел быть наготове — колоски собирать на полях помогать будем.

Мальчишки понимающе почесали затылки. Хотя Гоуданя отец отродясь пальцем не трогал, родительское слово в деревне было законом. Раз велено — надо подчиняться.

\*\*\*

В это время на сушильном току Ли Сы, подметая пыльную площадку, вдруг раскатисто чихнул. Он потёр кончик носа, подумав: «И кто это меня добрым словом поминает? Неужто Гоудань?» Впрочем, его сорванец рос не по годам самостоятельным. Сегодня вот опять упылил куда-то вместе с Ван Сюанем. Вернулись ли? Солнце печёт немилосердно, как бы головы не напекло.

Заметив, что Ли Сы замер с метлой в руках, сосед по току решил, что тот выгадал минутку для передышки, и неторопливо побрёл к нему поболтать.

Слово за слово, разговор перетёк на детей.

— Слышь, Лао Сы, — прищурился сосед, — а пацанёнок-то этот, которого ты пригрел... Вдруг вырастет да к родному отцу сбежит? Обидно ведь будет! Столько сил в него вложишь, прокормишь, а под старость лет стакан воды подать некому будет. Разве он станет о тебе заботиться на старости лет? На чьи рабочие баллы рассчитывать будешь?

Ли Сы лишь добродушно усмехнулся:

— Да ладно тебе. Гоудань к нему всей душой прикипел, а там... поживём — увидим.

Он рассуждал просто: когда сын вырастет, ему уже не понадобится верный товарищ для детских игр. А насчёт сыновней благодарности под старость Ли Сы даже не задумывался. Пока руки-ноги носят, сам себя прокормит. А как занеможет — так ведь у него есть собственный сын. Гоудань не даст помереть с голоду, плеснёт в миску похлёбки, и ладно. Главное — не обременять парня лишней обузой. Да и то сказать: дожить до преклонных лет и умереть на руках у родной кровиночки — уже великое счастье.

— Добрый ты больно, Лао Сы, — покачал головой собеседник. — Старый староста деревни, небось, просто не хотел, чтобы по округе слава пошла, будто он сироту со свету сживает. Сам-то обузу вешать на шею поленился, вот и пристроил пацана в добрые руки. И правильно сделал, что сплавил! А ты-то зачем его обратно притащил?

Тут к ним пристроился ещё один мужик из местных:

— Во-во! Растил бы своего Гоуданя, а там, глядишь, сошёлся бы с какой вдовушкой с приплодом. Жили бы под одной крышей, и постель тёплая, и баба в доме. Твоя невестка ведь в прошлый раз сватала тебе одну справную бабу? Так та, как прознала, что у тебя на шее ещё один чужой рот висит, сразу на попятную пошла. Кому охота лишнюю обузу тянуть?

Сват, распаляясь, замахал руками, обращаясь уже к обступившим их мужикам:

— Я ему и так, и сяк толкую: отошли ты малого обратно к дядьке его, Чэнь А-да, или ещё куда пристрой! Так ведь упёрся, ни в какую! А у той вдовы, хоть и свои девки есть, баба она — загляденье. Моя благоверная божится: баба молодая, в самом соку, широкотазая — у такой дети как грибы после дождя рождаются. Глядишь, ещё парочку крепких парней тебе принесла бы! Своих сыновей полный дом бы нажил, на кой тебе чужой выкормыш?

Мужики грохнули со смеху. Посыпались сальные шуточки, советы один краше другого — как всегда бывает, когда мужская компания заводит разговор о бабах. Кто-то подмигивал, кто-то со знанием дела цокал языком.

— Ну а если серьёзно, — протянул один из пожилых крестьян, — Гоудань твой — парень головастый. И в кого только уродился? У такого неуча, как ты, сын к книжкам так и липнет. Глядишь, человеком станет...

Слыша, как хвалят его сына, Ли Сы так и сиял. Морщины на его обветренном лице разгладились, уступив место горделивой, широкой улыбке. Мужчины в деревне сплетничали не меньше женщин, разве что обходились без лишнего визга и пустой болтовни, рубя всё прямым текстом.

— Слышь, Лао Сы, а собаки-то ваши? До чего статные выросли! Мой охламон как их увидел, так дома рёв поднял — вынь да положь ему такого же щенка. Мать ему, конечно, сразу

затрещину отвесила: сами впроголодь живём, а тут ещё собаку кормить!

Мужик, заговоривший об этом, был таким же поджарым, как и Ли Сы, только пониже ростом. Ветхая, застиранная майка сиротливо болталась на его костлявых плечах, а верёвка вместо пояса была затянута так туго, словно он пытался унять голодный спазм. Сквозь прорехи в заношенной ткани отчётливо проглядывали худые рёбра.

— С детьми разговор короткий, — вставил свои пять копеек проходящий мимо крестьянин. — Не понимает слов — дай хорошего леца, мигом вся дурь из башки вылетит.

Ли Сы приоткрыл было рот, чтобы возразить, но промолчал. Разговор всё равно окончательно ушёл в сторону. Вскоре мужики снова принялись обсуждать своих жён. Поскольку немая супруга самого Ли Сы сбежала много лет назад, делиться ему было нечем, и он лишь молча слушал чужие рассказы, пока беседа окончательно не перестала его касаться.

\*\*\*

Незаметно подошла пора летней жатвы. В школе у Гоуданя начались каникулы. И хотя деревенскую детвору к тяжёлому труду в поле пока не привлекали, учителям сидеть без дела не приходилось: они тоже выходили на уборку урожая наравне со всеми, иначе осенью рисковали остаться без своей доли зерна. Для ребятни же наступило золотое время абсолютной свободы.

Разумеется, вольготно жилось только мальчишкам. Девочкам постарше расслабляться не давали: на них лежали домашние хлопоты — приготовить обед, присмотреть за младшими братьями и сёстрами, прибрать в доме да перестирать гору белья.

Деревенские дети выросли рано. И дело было вовсе не в какой-то врождённой сознательности — сама жизнь заставляла их гнуть спину наравне со взрослыми. Послушными и работающими не рождаются, ими становятся от нужды.

В доме Ли Сы хозяйством заправлял Ван Сюань — он был куда аккуратнее и чище, плотнее непоседливого Гоуданя. Впрочем, хозяйство у них было скудное: ни кур, ни уток во дворе не водилось, в пустых углах гулял ветер, так что заботиться приходилось лишь о том, чтобы вовремя накормить три голодных рта.

Тем временем среди колхозников росло глухое недовольство. Пшеница в поле налилась колосом уже наполовину, а в закромах у большинства крестьян давно не осталось ни зёрнышка. Люди начали роптать: не пора ли начать выборочный покос и выдать хоть какой-то аванс зерном? Как гнуть спину на жаре, если в животе со вчерашнего дня урчит от голода? Старый староста деревни понимал это лучше любого другого, вот только решать такие вопросы единолично он больше не мог.

— Да я бы и сам рад скосить малую толику, чтобы народ хоть пару раз досыта наелся, —

староста тяжело вздохнул и глубоко затянулся самосадам. Из его ноздрей повалили густые струи сизого дыма, после чего старик глухо закашлялся. — Да только если из коммуны проверка нагрянет и по головке за такое самоуправство не погладит — кто за это отвечать будет? Ответ держать перед начальством мне одному придётся?

Гоудань и Ван Сюань примостились на лавке неподалёку от Ли Сы. Мальчишки увлечённо шушукались, споря, как старосте удаётся пускать дым ловчее: ртом или всё-таки через нос.

Стариков с курительными трубками в зале собралось предостаточно. Мальчишки заворожённо наблюдали за ними. В душном, полумрачном помещении бывшего родового храма, где теперь заседало правление, стоял невообразимый гвалт, а воздух посинел от махорочного дыма.

Как-то раз Гоудань из чистого любопытства решил попробовать этот взрослый деликатес. Уж очень заманчиво мужики постукивали трубками по голенищам сапог перед тем, как степенно затянуться. Подгадав момент, он стянул у старика Ли щепотку табака, сунул в трубку и затянулся... В следующую секунду мальчишка чуть душу не выплюнул от дикого кашля. Если бы не Ван Сюань, который принялся истошно колотить его по спине и насильно вливать воду в горло, Гоудань точно отдал бы концы прямо там. Этот случай навсегда отбил у него охоту к курению, а стариков, способных безболезненно выпускать клубы дыма через нос, он с тех пор считал какими-то полубогами.

— Староста, хорош тянуть волынку! Говори дело, а то нас тут комары заживо сожрут! — выкрикнул кто-то из темноты.

В подтверждение его слов тут и там раздавались звонкие шлепки по шеям и лодыжкам — мужики яростно чесались.

— И то верно! — подхватил другой голос. — Главное — держать язык за зубами. Кто снаружи прознает, если сами не сболтнем? Вернемся по домам — каждый пусть своей бабе рот заткнет, чтоб ни звука наружу!

Все понимали: если в дело ввязать всю деревню, то на всех суда не найдётся. В худшем случае нагоняй получит один староста.

Однако, несмотря на смелые выкрики, крестьяне прекрасно понимали всю серьёзность затеи. Напрямик пойти против закона никто бы не решился — за такое можно было вмиг прослыть врагом всей общины. Даже самые пустомели из деревенских баб не посмели бы трепать языком на эту тему. Ведь у каждого в соседних сёлах найдутся ушлые родственники или приятели: начни тайно делить зерно, один попросит горсть, другой прибежит с мешком — и пиши пропало, тайна вмиг станет явной.

Мужики в один голос твердили: первым делом, вернувшись из управы, они пригрозят домашним, чтобы те помалкивали. Однако все сходились в одном — если сейчас не дать людям хоть немного хлеба, то к началу настоящей жатвы половина работников просто протянет ноги от истощения.

Собрание шло своим чередом, но дельных предложений звучало мало — разговор то и дело увязал в пустых спорах. Староста помалкивал, лишь мерно попыхивал трубкой. Он-то отлично знал цену этим крикам: сейчас все горазды кулаками махать, а случись что — никто и слова в его защиту не замолвит, попрячутся по углам как мыши.

Бесконечные кампании критики и обличения последних лет напрочь лишили людей мужества. Никто в здравом уме не пошёл бы на открытый конфликт с государством — не было ни смелости, ни привычки перечить власти. А значит, старосте нужно было придумать обходной манёвр. В соседних деревнях ситуация была ничуть не лучше. Если бы все председатели разом решились на этот шаг и начали выдачу зерна, то это уже нельзя было бы списать на самоуправство одного человека. Это стало бы волей самого народа!

Старый староста деревни не отличался грамотностью, зато среди всех чиновников он дольше всех тёрся среди простого люда на самом низу. С годами он набрался такой житейской мудрости, что любого вокруг пальца мог обвести. Настоящий стреляный воробей.

К слову, Гоудань сидел совершенно спокойно — перед выходом Ван Сюань предусмотрительно снабдил его самодельным средством от комаров. Комары облетали их стороной, вот только пахло от парней весьма специфически. Впрочем, сидевшие рядом мужики не придали этому значения, решив, что осиротевшее семейство Ли Сы попросту моется раз в пятилетку, оттого от них и разит кислыми соленьями на всю округу.

Возле Ли Сы с ребятами примостились разве что глубокие старики — те и сами частенько благоухали бог весть какими ароматами. А вот опрятная деревенская молодёжь старалась держаться от этого угла подальше. От троицы разило то ли застарелым потом, то ли протухшей квашеной капустой — словом, амбре стояло знатное.

Вслух, конечно, никто ничего не говорил — все понимали, что без бабьей руки в доме мужик быстро дичает. Некому постирать, некому приглядеть, вот они и ходят в одном и том же неделями, пока одежда колом не встанет. А на такой жаре любая грязь мигом закисает. Жалеть-то их жалели, но подсаживаться ближе никто не спешил. Зачем лишний раз нос кривить?

Ли Сы и Гоудань в этих делах были на редкость толстокожими и косых взглядов попросту не замечали. А вот чуткий Ван Сюань сразу почуял неладное. Поначалу он испугался, решив, что односельчане по-прежнему видят в нём сироту-приёмышу, приносящего несчастья. Но, присмотревшись, понял: их банально обходят стороной из-за жуткого запаха.

Ван Сюань густо покраснел от стыда. Быть ходячим источником вони — удовольствие ниже среднего. Снадобье-то он сварил строго по рецепту, да только до мастерства Безымянного настоятеля храма ему было ещё далеко, и избавить целебный отвар от удушливого аромата он пока не умел. Гоуданю было наплевать на такие мелочи, вот и Ван Сюань не придавал этому значения. А теперь выходило, что они втроём оказались в глухой изоляции посреди переполненного зала.

Он легонько толкнул Гоуданя локтем в бок. Когда тот недоумённо повернулся, Ван Сюань прильнул к его уху и едва слышно прошептал причину общего избегания.

<http://bllate.org/book/19654/1996704>